

Письмо солдату

«Дорогой мой сынок!»
«Любимый мой!»
«Мой братишка!»
«Папочка, дорогой!»
«Единственный мой внучок!»

Здравствуй!

Хочу написать тебе, но рука замирает над бумагой, сердце колотится, воздуха не хватает, слезы застилают глаза. От тебя нет никаких вестей, но я стараюсь гнать от себя дурные мысли. Знаю, что это очень опасно, звонить, писать. Знаю, что враг не дремлет. Знаю, что есть предатели. И все равно жду не дождусь услышать твой голос.

У нас все хорошо. Мы слушаем нашего Главногокомандующего, радуемся победам доблестной азербайджанской армии, закрашиваем на карте в зеленый цвет каждый освобожденный город, каждый поселок, каждую деревню. Знаешь, карта наша расцветает с каждым днем все больше и больше. Словно весна на улице, а не осень. И погода стоит такая же. Весенняя. Будто сам Бог открывает нам дорогу к Победе. К победе над подлым врагом. К победе над тем, кто веками, втеревшись к нам в доверие, гнусно и подло шел к своей цели. Он разрушил наши святыни, разворовал и разграбил наши земли, уничтожил наши дома, убил наших детей и отцов и оставил без крова сотни тысяч семей.

Враг не останавливается в своей подлости и цинизме. Он не останавливается ни перед чем. Для него нет ничего святого. Он бомбит наши мирные города, убивает ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. Такой миролюбивый народ, как мы, враг научил ненавидеть. Что они сделали с нашей землей? Они высушили ее. Они ее осквернили.

Я знаю, как тебе тяжело. Я смотрю на кадры артиллерийских залпов, смотрю на взрывы ракет и мне становится одновременно и страшно, и светло. Светло, потому что наша победа не за горами. Страшно, потому что не должны в 21-м веке погибать на войне люди. Не должны.

Нас вынудили взять в руки оружие. Мы хотели все решить мирно. Мы хотели вернуть наши земли мирно. Нас обманывали долгих тридцать лет. А теперь ты, мой герой, и вся наша армия во главе с нашим главнокомандующим показываете миру, что против подлости и зла всегда найдется сила! Потому что правда на нашей стороне! Потому что мы воюем на своей земле. И возвращаем свои земли. И когда тебе трудно, мой родной, когда силы покидают тебя, когда кажется, что больше нет воздуха, а вокруг тьма и огонь, заклинаю тебя, солдат, протяни руку к земле, что под твоими ногами, возьми горсть и сожми в своем кулаке. Сожми очень крепко. До боли. До скрежета зубов. И знай, что ты – один из тех, кто возвращает ее домой.

За тобой вся страна, мой солдат! За тобой весь наш народ, мой отважный!

За тобой наш Президент и Главногокомандующий! А над тобой реет наш трехцветный флаг! И этот флаг совсем скоро будет развеваться в нашей родной Шуше!

Обнимаю тебя крепко! Храни Всевышний тебя, нашу армию, нашего Главногокомандующего и весь наш славный народ!

В твоей земле...

Он просыпался по ночам, кричал и звал маму. Она подходила к старенькому дивану, на котором он спал, садилась в ноги, брала по очереди ступни сына и начала разминать, приговаривая: «Ничего, bala, ничего, засыпай, сейчас пройдет». Так происходило каждую ночь. Утром он, как ни в чём не бывало, прыгивал с дивана и носился весь день с такими же, как он, в старой, застиранной одежде мальчишками. Носился по двору студенческого общежития, где им временно, как беженцам, выделили жильё.

Спать мальчуган ложился со страхом, зная, что она опять придет. Боль.

Она была невыносимой. Она охватывала его ступни мёртвой хваткой, словно пасть тигра, сковывала ледяным холодом кандалов, пронзала тысячами иголок и обжигала пламенем печи одновременно. Она выворачивала его ступни наизнанку, она заставляла его кричать и плакать, сжиматься в комок и выгибаться в дугу. Она не отпускала. Пока не приходила мама и молча не начинала массировать ступни сына. Он засыпал в слезах. Ему снился двор в деревне. Недавно родившиеся щенята, тыкающиеся носами друг в друга и разевающие рты в поисках соска матери. Дедушка, выпиливающий из деревянного бруска очередную поделку. Ему снился запах свежего хлеба, который бабушка доставала из təndira, Ему снился отец, широко раскрываю-

щий объятия для того, чтобы он прыгнул к нему на руки и зарылся лицом в плечо. А потом все это исчезало. Грохот, шум, падающие стены, лежащие неподвижно на земле щенята. Перед глазами оставались только грубые толстые носки из овечьей шерсти, которые мать успела на него надеть. Красные с белым узором, жаркие и колючие, ненавидимые им всем сердцем. Почему-то потом, после двух дней в лесу, стрельбы и взрывов, после того, как они оказались в большом и очень шумном городе, об этих носках говорили все, кто приходил к ним домой. Мол, они спасли его ступни от отморожения. Он больше никогда не видел ни папу, ни бабушку с дедушкой. Только маму и младшего брата, которого она привязала себе за спину тем поздним вечером, когда они бежали.

А боль продолжала приходиться каждую ночь. Он уже и не ждал её. Он повзрослел и научился жить с НЕЙ. А она – с ним. Коварная, цепкая, неутомимая. Она пронзала его снова и снова. Заставляла его биться в ознобе и обливаться холодным потом от жара. Задышаться, умирать и воскресать каждое утро. Его осматривало множество врачей и знахарей. Его лечили всеми возможными методами. Всё было без толку. На смену матери пришла жена. Заглядывала в глаза, растирала, успокаивала. Он засыпал, и опять перед глазами была все та же картина. Двор, щенки, дедушка, бабушка, təndir... Отец.

Однажды на улице, подав милостыню старой женщине и увидев мотающийся из стороны в сторону шнурок, он нагнулся, чтобы завязать его. Женщина мельком взглянула на его туфли и спросила:

– Болит?

Он изумленно посмотрел на неё:

– Что болит?

– Боль в ногах бывает?

– Допустим. А что?

– В земле твоё спасение. В земле...

На следующий день он поехал к морю, разулся и долго ходил по берегу. Вдавливал ступни в мокрый песок. Ночью боль пришла вновь. Сковала льдом, вгрызлась, впилась, разлилась новым, ещё более жестоким витком...

А потом случилась война. Он ждал её очень долго. Долгих тридцать лет. Ни жена, ни мать не стали его отговаривать. Он ушел воевать в первый же день. Дни и ночи в тяжёлых боях, раненые и погибающие товарищи, запах гари и пороха, вкус крови на губах. В одну из ночей боль была особенно адской. Он извивался на земле, обливался холодным потом, скрежетал зубами и терпел.

Утром они зашли в освобождённое от врага село. Одно из нескольких. Он шёл по заросшей бурьяном тропинке мимо развалившихся заборов, полуразрушенных домов, и ноги сами вели его. В тот самый двор, где были щенята. Дедушка, бабушка... Отец.

На месте, где когда-то стоял их дом, торчали каменными островками обломки разрушенных стен. А во дворе абсолютно целым стоял...təndir. Он медленно расшнуровал ботинки, разулся и ступил на землю. Боль, острая, нестерпимая боль пронзила его ступни, заставив невольно вскрикнуть. Обхватив руками голову, он сел и заплакал, словно маленький мальчик в толстых шерстяных носках. Он рыдал в голос, не стесняясь. Он встал на колени, брал в руки землю горстями, целовал её, умывался ею, размазывая вместе со слезами по своему лицу.

Ночью он проснулся от странного ощущения. Присел и внимательно стал оглядывать ступни. Её не было. Боли не было. Всепоглощающей, изнуряющей, сжигающей изнутри боли, Боли, мучавшей его долгих тридцать лет, больше не было. Перед глазами промелькнула пожилая женщина, просившая милостыню. «В земле твоё спасение». Он вдруг отчётливо вспомнил ещё одну фразу, тихо добавленную ею: «В ТВОЕЙ ЗЕМЛЕ».